
ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930(470)

EDN: TWZAHU

Теория аккультурации как методология исследования истории окраин Российской империи

Герман Роман Эдуардович

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ставропольский филиал). Россия, г. Ставрополь. ORCID: 0000-0002-3158-3638. E-mail: romger@mail.ru

Аннотация. Представленная статья затрагивает актуальную и малоизученную тему. В современной историографии основное внимание уделяется исследованию взаимодействия и взаимовлияния различных культур и этносов в рамках многонациональных государственных образований. Российская империя в этом контексте представляет особый интерес, учитывая ее огромную территорию, этническое и культурное многообразие.

Целью данной статьи является рассмотрение теории аккультурации как перспективной методологической основы для изучения истории окраин Российской империи, позволяющей проанализировать ключевые положения и концепты теории аккультурации и показать возможности их применения к историческим исследованиям имперских окраин.

Предметом исследования выступают процессы культурного взаимодействия и трансформации, происходившие на окраинных территориях Российской империи. Рассматриваются различные модели и сценарии аккультурации, проанализированы факторы, влиявшие на ход и результаты аккультурационных процессов.

В результате можно заключить, что теория аккультурации открывает новые концептуальные возможности для изучения этнокультурных процессов на имперских окраинах. Она позволяет обратить внимание на сложность и многовекторность культурных взаимодействий, на роль местного населения.

Выводы статьи имеют как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, они вносят вклад в развитие методологии исторической науки, демонстрируя эвристический потенциал междисциплинарных подходов. Во-вторых, они намечают перспективные направления для дальнейших исследований истории окраин Российской империи. Результаты работы могут быть использованы как в научной деятельности (при подготовке монографий, диссертаций, научных статей), так и в образовательной практике (при разработке учебных курсов, пособий, лекций по истории России имперского периода).

Представленная статья вносит значимый вклад в дальнейшую разработку концептуальных основ и методологического инструментария исследований исторического опыта существования многонациональных и поликультурных государств.

Ключевые слова: аккультурационные теории, окраинная политика Российской империи, территориальное расширение, историческая роль России, культурное взаимовлияние.

Аккультурация – это сложный и многогранный процесс взаимодействия между различными культурами, который приводит к изменениям в ценностях, нормах, практиках и идентичности индивидов и групп [25]. Изучение аккультурации имеет давнюю историю в социальных науках и остается актуальной темой в эпоху глобализации и массовых миграций.

Термин «аккультурация» был введен американскими антропологами Робертом Редфилдом, Ральфом Линтоном и Мелвиллом Херсковицем в 1936 г. в их классической работе «Меморандум об изучении аккультурации». Они определили аккультурацию как «феномен, который возникает, когда группы индивидов, принадлежащих к разным культурам, вступают в непрерывный первичный контакт, с последующими изменениями в оригинальных культурных паттернах одной или обеих групп» [22, р. 149].

В 1950-е гг. концепция аккультурации начала применяться не только к групповому, но и к индивидуальному уровню. Теодор Грейвс предложил различать понятия групповой и психологической аккультурации [20]. Если первая относилась к изменениям в культуре группы, то вторая – к изменениям в психологии индивида под влиянием контакта с другой культурой.

В 1970-е гг. канадский психолог Джон Берри разработал свою модель аккультурации [18]. Согласно Берри, в процессе аккультурации как доминирующая, так и недоминирующая группы должны решить две ключевые проблемы: поддержание своей культуры и участие во взаимодействии с другими группами. На основе ответов на эти вопросы Берри выделил четыре основные стратегии аккультурации:

- 1) Ассимиляция – отказ от своей культурной идентичности и растворение в доминирующей культуре.
- 2) Сепарация – сохранение своей оригинальной культуры и избегание взаимодействия с другими.
- 3) Маргинализация – потеря культурной идентичности и отсутствие интереса к участию в отношениях как с собственной, так и с доминирующей культурой.
- 4) Интеграция – сохранение своей культурной целостности наряду с активным участием в жизни доминирующего общества.

Модель Берри получила широкое признание и послужила основой для многих последующих исследований. Однако она также подвергалась критике за упрощенное дихотомическое представление об аккультурации и недостаточный учет динамики власти и ролей доминирующего общества в этом процессе [23].

В последние десятилетия появился ряд новых теоретических подходов к пониманию аккультурации, пытающихся преодолеть ограничения модели Берри. Одной из наиболее влиятельных является интерактивная теория аккультурации (Interactive Acculturation Model), предложенная Ричардом Будриа [19]. Согласно этой теории, исход аккультурации зависит не только от установок мигрантов, как в модели Берри, но и от установок принимающего общества. Будриа выделяет три возможные установки со стороны доминирующей группы:

- 1) Консенсус, когда большинство разделяет одни и те же ожидания в отношении аккультурации меньшинств.
- 2) Проблематизация, когда большинство расходится в своих ожиданиях.
- 3) Конфликт, когда мнения большинства поляризованы.

Согласованность или рассогласованность между установками меньшинства и большинства во многом определяет успешность или проблемный характер аккультурации.

Другим важным современным подходом является теория относительной аккультурации в расширенной семье (Relative Acculturation Extended Family Model), разработанная Сабой Сафдар [24]. Эта теория фокусируется на процессах аккультурации в контексте семейной системы и подчеркивает динамику и взаимовлияние культурной адаптации между поколениями мигрантов (например, между родителями и детьми). Степень сходства или различия в аккультурации членов семьи рассматривается как ключевой фактор семейного функционирования и психологического благополучия.

Можно сказать, что понятие аккультурации прошло долгий путь развития от первоначальной антропологической концепции до многомерных психологических и социологических моделей. Современные теории все больше учитывают интерактивный характер аккультурации, роль установок принимающего общества и семейный контекст этого процесса. В то же время многие вопросы, такие как механизмы культурного научения, факторы успешной адаптации, связь аккультурации с медицинскими аспектами, остаются предметом активных научных дискуссий и требуют дальнейших междисциплинарных исследований.

Можно утверждать, что теория аккультурации, зародившаяся в рамках культурной антропологии в начале XX в. [22; 25], в последние десятилетия получает все большее распространение в качестве методологического подхода в исторических исследованиях. Особую актуальность она приобретает при изучении истории многонациональных государств, таких как Российская империя, где взаимодействие и взаимовлияние различных культур было неотъемлемой частью исторического процесса.

Аккультурация в социоисторическом контексте определяется как «процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (культуры-реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора)» [3, с. 261]. В рамках этого подхода основное внимание уделяется культурному взаимодействию, трансформации культурных моделей в результате межэтнических контактов. В отличие от ассимиляции, аккультурация не предполагает полного слияния и растворения одной культуры в другой, а скорее описывает процесс культурного обмена и взаимообогащения [4].

Применительно к истории Российской империи, теория аккультурации позволяет исследовать сложные процессы интеграции окраин в общеимперское пространство, взаимодей-

ствия русской культуры с местными традициями присоединенных народов. Она дает возможность уйти от упрощенного дихотомического (а подчас и чрезмерно идеологизированного) восприятия в духе «метрополия – колонии», «господство – подчинение» и увидеть более сложную, многомерную картину взаимовлияний и культурного обмена [15, с. 14–15].

Применение теории аккультурации открывает целый ряд новых исследовательских перспектив в изучении истории имперских окраин:

1. Позволяет анализировать трансформацию культурных практик и моделей поведения как русского, так и местного населения в результате межкультурных контактов. Через призму аккультурации можно проследить, как менялись язык, религия, быт, одежда, социальные нормы под влиянием инокультурного окружения [13].

2. Дает возможность изучить роль «культурных посредников» – представителей местных элит, получивших русское образование, зачастую находившихся на русской службе и впитавших элементы русской культуры. Они играли важную роль проводников имперского влияния и одновременно адаптировали европейские новации к местным условиям [10].

3. Позволяет по-новому взглянуть на политику империи в сфере образования и религии на окраинах. Характер и степень аккультурации во многом зависели от конкретных практик в этих областях – от поддержки местных школ и духовенства до попыток обращения в православие и русификации [9].

4. Акцентирует внимание на обратном влиянии окраин на внутренние губернии империи. Теория аккультурации не рассматривает процесс культурного взаимодействия как односторонний. Многие элементы культур покоренных народов, от предметов быта до религиозных и философских идей, проникали в жизнь русского общества [14].

5. Дает инструменты для сравнительного анализа процессов интеграции разных регионов империи. С помощью концепции аккультурации можно выявлять общие закономерности и региональные особенности вхождения окраин в состав государства [21, р. 133].

Рассмотрим возможности применения теории аккультурации на материалах истории трех крупных окраинных регионов империи, присоединенных в XIX в. – Кавказа, Финляндии и Средней Азии.

Продвижение России на Кавказ сопровождалось интенсивными культурными контактами с местными народами. Одним из проявлений аккультурации стало появление особой российско-кавказской субкультуры, впитавшей элементы русского и горского быта, особый язык общения, оригинальный фольклор. Как отмечает М. Ходарковский, «в культурном плане Кавказ стал продолжением России, но в то же время Россия во многом «окавказилась»» [11, с. 410; 21, р. 133].

С другой стороны, важным каналом имперского влияния стало образование. Учеба кавказской молодежи в российских учебных заведениях, создание сети школ и гимназий на Кавказе способствовало усвоению русского языка, приобщению к европейской культуре [8, с. 54–61]. Однако это не было простой русификацией. Многие представители местной интеллигенции стремились синтезировать традиционные ценности своих народов с достижениями европейской цивилизации, став, по выражению А. Х. Рамазанова, «европейцами с кавказским лицом» [12].

Процессы аккультурации в Финляндии, присоединенной к России в 1809 г., имели свою специфику в силу высокого уровня социально-экономического и культурного развития края. Здесь уже к началу XIX в. сформировался достаточно широкий слой образованного населения, ориентировавшегося на шведские и немецкие культурные образцы [5].

Российские власти на первых порах стремились обеспечить лояльность местных элит, сохраняя традиционные институты и поддерживая лютеранскую церковь [16]. В то же время, постепенно расширялось преподавание русского языка в школах, увеличивался приток русских чиновников и военных. Это создавало предпосылки для распространения элементов русской культуры, хотя она и не стала доминирующей. Скорее можно говорить о формировании специфической финляндско-русской культуры, вобравшей в себя черты обоих народов [7].

Завоевание Средней Азии во второй половине XIX в. привело к включению в состав империи обширных территорий с преобладанием мусульманского населения. Процессы аккультурации здесь происходили медленнее и имели более поверхностный характер в силу значительных культурно-религиозных барьеров [1].

Царские власти, не желая конфликтов с местным населением, проявляли известную осторожность во внедрении культурных новаций. Русские поселения и городские кварталы зачастую существовали обособленно от традиционного уклада местных жителей [6]. Тем не менее определенное культурное влияние осуществлялось через внедрение системы государ-

ственных школ, привлечение на службу представителей национальной аристократии, издание литературы на местных языках [2, с. 86–107].

Характерной чертой процессов аккультурации в Средней Азии стало заимствование элементов традиционной культуры народов региона русскими купцами, чиновниками, военными. Длительное пребывание в крае, тесные контакты с местным населением приводили к распространению местных обычаев, одежды, кухни, языка среди русских жителей Туркестана [17].

Теория аккультурации представляется перспективной методологической основой для изучения истории окраин Российской империи. Она позволяет отойти от упрощенных представлений о простой экспансии и ассимиляции и увидеть сложную, многомерную картину культурных взаимодействий.

Применение концепции аккультурации к материалам истории Кавказа, Финляндии и Средней Азии позволяет выявить как общие тенденции имперской интеграции, так и региональную специфику. Везде так или иначе происходил процесс усвоения русской культуры местным населением через систему образования, служебные и административные практики, непосредственные контакты. В то же время, он не был односторонним, сопровождался обратным влиянием местных традиций, возникновением своеобразных культурных «гибридов».

Степень и характер аккультурации во многом определялись конкретной ситуацией в каждом регионе – уровнем социально-экономического развития, религиозной принадлежностью, политикой властей. Где-то, как на Кавказе, культурные контакты были более интенсивными, в других регионах, как в Средней Азии, взаимопроникновение культур шло труднее. Тем не менее везде происходила трансформация как привнесенных имперских порядков, так и местных традиций. Изучение этих процессов через призму теории аккультурации открывает новые горизонты в понимании сложного и противоречивого исторического опыта Российской империи.

Исследование может быть продолжено в направлении исследования конкретных региональных аккультурационных практик, истории институтов аккультурации (язык, образование, военная и чиновничья служба), обратного влияния культуры окраин на российское общество.

Автор посвящает данную статью памяти своего Учителя – доктора исторических наук, профессора Татьяны Александровны Невской.

Список литературы

1. Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 43–96.
2. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетея, 2007. 322 с.
3. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 314 с.
4. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183–193.
5. Бородкин М. М. Финляндия в составе Российской империи // Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1-2. С. 126–144.
6. Брусица О. И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы (конец XIX – конец XX века). М.: Восточная литература, 2001. 240 с.
7. Кривцова А. С. «Учебные» империи: язык, пространство и образование // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 197–202.
8. Кумыков Т. Х., Мамбетов Г. Х. Вклад Кабарды и Балкарии в культуру России. Нальчик: Эльбрус, 1976. 294 с.
9. Любичанковский С. В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–37.
10. Манойленко Ю. Е. Кабардинцы и балкарцы в вооруженных силах Российской империи: аккультурация и трансформация социально-культурных ролей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. № 175. С. 13–22.
11. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 695 с.
12. Рамазанов А. Х. Мир ислама в творчестве русских писателей XIX века: имагологический аспект // Исламоведение. 2014. № 4. С. 73–82.
13. Рыблова М. А. Донское казачество в русско-калмыцких отношениях: от аккультурации к ассимиляции // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 113–124.
14. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
15. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 485 с.

16. Юссила О., Хентилля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М. : Весь Мир, 2010. 472 с.
17. Сариев Ж. Интеллектуальный империализм и проблемы культурного разнообразия // *AbImperio*. 2004. № 3. С. 291–323.
18. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied psychology*. 1997. Vol. 46. № 1. Pp. 5–34.
19. Bourhis R. Y. et al. Towards an interactive acculturation model: a social psychological approach // *International journal of psychology*. 1997. Vol. 32. № 6. Pp. 369–386.
20. Graves T. D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // *Southwestern journal of anthropology*. 1967. Vol. 23. № 4. Pp. 337–350.
21. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indianapolis : Indiana University Press, 2002. 489 p.
22. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the study of acculturation // *American anthropologist*. 1936. Vol. 38. № 1. Pp. 149–152.
23. Rudmin F. W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // *Review of general psychology*. 2003. Vol. 7. № 1. Pp. 3–37.
24. Safdar S., Lay C., Struthers W. The process of acculturation and basic goals: testing a multidimensional individual difference acculturation model with Iranian immigrants in Canada // *Applied Psychology*. 2003. Vol. 52. № 4. Pp. 555–579.
25. Sam D. L., Berry J. W. (eds.). The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

The theory of acculturation as a methodology for studying the history of the outskirts of the Russian Empire

German Roman Eduardovich

PhD of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Russia, Stavropol. ORCID: 0000-0002-3158-3638. E-mail: romger@mail.ru

Abstract. This article touches on a current and little-studied topic. In modern historiography, the main attention is paid to the study of the interaction and mutual influence of various cultures and ethnic groups within the framework of multinational state entities. The Russian Empire in this context is of particular interest, given its vast territory, ethnic and cultural diversity.

The purpose of this article is to consider the theory of acculturation as a prospective methodological basis for the study of the history of the outskirts of the Russian Empire, allowing to analyze the key provisions and concepts of the theory of acculturation and to show the possibilities of their application to historical research of the imperial outskirts.

The subject of the study is the processes of cultural interaction and transformation that occurred in the outlying territories of the Russian Empire. Various models and scenarios of acculturation are considered, factors that have influenced the course and results of acculturation processes are analyzed.

As a result, it can be concluded that the theory of acculturation opens up new conceptual possibilities for the study of ethno-cultural processes on the imperial fringes. It allows us to draw attention to the complexity and multi-vector nature of cultural interactions, to the role of the local population.

The conclusions of the article have both theoretical and practical significance. First, they contribute to the development of the methodology of historical science by demonstrating the heuristic potential of interdisciplinary approaches. Secondly, they outline promising directions for further research into the history of the outskirts of the Russian Empire. The results of the work can be used both in scientific activity (in the preparation of monographs, dissertations, scientific articles), and in educational practice (in the development of training courses, manuals, lectures on the history of Russia of the imperial period).

This article makes a significant contribution to the further development of the conceptual foundations and methodological tools of the research of the historical experience of the existence of multinational and multicultural states.

Keywords: acculturation theories, marginal policy of the Russian Empire, territorial expansion, historical role of Russia, cultural mutual influence.

References

1. Abashin S. N. V. P. Nalivkin: "...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...". *Krizis orientalistiki v Rossiyskoy imperii* [V. P. Nalivkin: "...there will be what must necessarily be; and what must necessarily be already cannot not be...". The Crisis of Orientalism in the Russian Empire] // *Aziatskaya Rossiya: lyudy i struktury imperii* – Asiatic Russia: People and Structures of the Empire. Omsk, 2005. Pp. 43–96.
2. Abashin S. N. *Natsionalizmy v Srednej Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in search of identity]. SPb. Aleteya, 2007. 322 p.

3. Belik A. A. *Natsionalizmy v Srednej Azii: v poiskakh identichnosti* [Cultural (social) anthropology]. M. RSUH, 2009. 314 p.
4. Berry J. W. *Akkul'turatsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya: obzor problemy* [Acculturation and psychological adaptation: a review of the problem] // *Razvitie lichnosti – Personality Development*. 2001. No. 3/4. Pp. 183–193.
5. Borodkin M. M. *Finlyandiya v sostave Rossijskoj imperii* [Finland as part of the Russian Empire] // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 1-2. Pp. 126–144.
6. Brusina O. I. *Slavyane v Srednej Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy (konets XIX – konets XX veka)* [Slavs in Central Asia: Ethnic and Social Processes (late 19th – late 20th centuries)]. M. *Vostochnaya literatura – Eastern Literature*, 2001. 240 p.
7. Krivtsova A. S. *"Uchebnye" imperii: yazyk, prostranstvo i obrazovanie* ["Educational" empires: language, space and education] // *Neprikosnovennyj zapas – Emergency reserve*. 2008. No. 6. Pp. 197–202.
8. Kumykov T. Kh., Mambetov G. Kh. *Vklad Kabardy i Balkarii v kul'turu Rossii* [The contribution of Kabarda and Balkaria to the culture of Russia]. Nalchik. Elbrus, 1976. 294 p.
9. Lyubichankovsky S. V. *Politika akkul'turatsii v usloviyakh razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva* [Acculturation policy in the context of the destruction of the empire: the case of the volost zemstvo] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Tomsk State University. History*. 2017. No. 50. Pp. 31–37.
10. Manoylenko Yu. E. *Kabardintsy i balkartsy v vooruzhennykh silakh Rossijskoj imperii: akkul'turatsiya i transformatsiya sotsial'no-kul'turnykh rolej* [Kabardians and Balkars in the Armed Forces of the Russian Empire: Acculturation and Transformation of Socio-Cultural Roles] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2015. No. 175. Pp. 13–22.
11. Pokrovsky N. I. *Kavkazskie vojny i imamat Shamilya* [Caucasian wars and the imamate of Shamil]. M. ROSSPEN, 2000. 695 p.
12. Ramazanov A. Kh. *Mir islama v tvorchestve russkikh pisatelej XIX veka: imagologicheskij aspekt* [The world of Islam in the works of Russian writers of the 19th century: the imagological aspect] // *Islamovedenie – Islamic Studies*. 2014. No. 4. Pp. 73–82.
13. Ryblova M. A. *Donskoe kazachestvo v russko-kalmytskikh otnosheniyakh: ot akkul'turatsii k assimilyatsii* [Don Cossacks in Russian-Kalmyk Relations: From Acculturation to Assimilation] // *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 2. Pp. 113–124.
14. Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noj psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness: essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late 19th – early 20th centuries) based on materials from the Middle Volga region]. M. ROSSPEN, 2008. 677 p.
15. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. M. New Literary Review, 2013. 485 p.
16. Jussila O., Hentila S., Nevakivi J. *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009* [Political history of Finland 1809–2009]. M. Ves' Mir (All World), 2010. 472 p.
17. Sariev J. *Intellectual'nyj imperializm i problemy kul'turnogo raznoobraziya* [Intellectual imperialism and problems of cultural diversity] // *AbImperio*. 2004. No. 3. Pp. 291–323.
18. Berry J. W. *Immigration, acculturation, and adaptation* // *Applied psychology*. 1997. Vol. 46. № 1. Pp. 5–34.
19. Bourhis R. Y. et al. *Towards an interactive acculturation model: a social psychological approach* // *International journal of psychology*. 1997. Vol. 32. № 6. Pp. 369–386.
20. Graves T. D. *Psychological acculturation in a tri-ethnic community* // *Southwestern journal of anthropology*. 1967. Vol. 23. No. 4. Pp. 337–350.
21. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Indianapolis. Indiana University Press, 2002. 489 p.
22. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. *Memorandum for the study of acculturation* // *American anthropologist*. 1936. Vol. 38. No. 1. Pp. 149–152.
23. Rudmin F. W. *Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization* // *Review of general psychology*. 2003. Vol. 7. No. 1. Pp. 3–37.
24. Safdar S., Lay C., Struthers W. *The process of acculturation and basic goals: testing a multidimensional individual difference acculturation model with Iranian immigrants in Canada* // *Applied Psychology*. 2003. Vol. 52. No. 4. Pp. 555–579.
25. Sam D. L., Berry J. W. (eds.). *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Поступила в редакцию: 11.03.2025

Принята к публикации: 13.05.2025